

9. Там же, л. 12-13.
10. Там же, л. 6-8, 10, 11, 15.
11. ГАРФ, Ф. А-2307, оп. 2, д. 338, л. 10.
12. Московское отделение Российского общества по изучению Крыма // Крым.– М., 1925.– №1.– С. 45, 46-47.
13. Гос. архив в АРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 799, л. 129-131 об. Частично данный отчет опубликован в: Крым.– М., 1925.– №1.– С. 69-70.
14. Гос. архив в АРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 799, л. 129.
15. Там же, л. 129.
16. Там же, л. 129 об.-130.
17. Там же, л. 130-130 об.
18. Там же, л. 130 об.-131 об.
19. Там же, л. 124.
20. Там же, л. 121, 126.
21. Там же, л. 127.
22. Там же, л. 118, 119.
23. Лейтнекер Е. Э. Гурзуфская база РОПИК в 1925 году // Крым.– М., 1925.– №1. – С. 70-71.
24. Гос. архив в АРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 1028, л. 4 об.
25. Там же, л. 6-6 об.
26. Там же, л. 4 об.-5.
27. Там же, л. 7-7 об.
28. Там же, л. 1-2.
29. Там же, л. 8.
30. Там же, л. 3-3 об.
31. Подробнее см.: Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения.– Симферополь: Бизнес-Информ, 2005.– С. 197-202.– (Библиография крымоведения; Вып. 3).

Слинкин М.Ф.
ЭТНИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В АФГАНИСТАНЕ
(историко-политический анализ)

Формирование национального состава Афганистана

Судя по археологическим материалам, первые признаки обитания человека на севере Афганистана относятся предположительно ко времени 200-100 тысяч лет тому назад. Найденные на указанной территории человеческие останки, принадлежавшие, по-видимому, неандертальцам, датируются периодом около 60-35 тысяч лет до н.э. Потребовалось еще несколько десятков тысяч лет, прежде чем люди («Человек разумный»), используя благоприятные климатические, почвенные и водные условия в предгорных и равнинных районах северного Афганистана, стали постепенно переходить, наряду с сохранением традиционных способов добычи продуктов питания – охоты, рыболовства и собирательства, к новым формам хозяйствования – земледелию и скотоводству. Этот период здесь продолжался примерно с 6-5-го тысячелетия до н.э. до 2-го тысячелетия до н.э. Что касается этнической и языковой принадлежности раннеземледельческих племен, обитавших на обширном пространстве к северу и югу от Гиндукуша, то она пока еще остается до конца не выясненной. По всей вероятности, они по своему антропологическому типу относились к европеоидам и говорили на языках и диалектах протодравидской группы [1].

Этнолингвистическая ситуация стала существенно меняться с середины 2-го тысячелетия до н.э., когда в рассматриваемый регион с севера (из Средней Азии) пришли скотоводческие, ведические (арийские) племена, говорившие на диалектах иранской ветви индоевропейской семьи языков. Пришельцы заметно отличались от местного населения не только языком. Это были «светлокожие, длинноголовые, рослые люди с длинными и тонкими ногами» [2]. Кроме того, они принесли сюда свойственные им и в корне отличные от автохтонов образ жизни, материальную культуру, социальное устройство и социальные отношения, иные религиозно-мифологические, философские, этические и эстетические взгляды. С этого времени, в ходе расселения здесь многочисленных племен ариев начались процессы ассимиляции уступавшего им по численности местного населения и складывание ираноязычной народности.

Со временем (в первой половине 1-го тысячелетия до н.э.) на огромной территории, занятой ираноязычными племенами, возникли политические объединения и города-крепости во главе с их правителями. Среди них священная книга зороастрийцев «Авеста» упоминает Бахди (древнюю Бактрию, располагавшуюся между Гиндукушем и рекой Амударьей и частично к северу от нее, со столицей в г. Бактры, ныне городище Бала-Хисар близ г. Мазари-Шарифа), область Харойва (у античных авторов – Арея; ныне район Герата), Хаэтумант (греч.-Дрангиана; ныне область в долине р. Гильменд), Харахвати (греч.-Арахосия; ныне район Кандагара и Газни) [3].

В начале VI в. до н.э. западные области Афганистана (Арея и Дрангиана) были завоеваны мидянами, принадлежавшими к одному из западноиранских племен. Однако их власть над данной территорией оказалась непродолжительной: к 550 г до н.э. Мидийская держава пала под ударами персов во главе с Киром II (Курошем II), основателем Ахеменидской империи. Ему удалось с помощью военной силы захватить еще и Бактрию и Арахосию. При Дарие I, окончательно оформившем централизованное Ахеменидское государство, были присоединены также и восточные части Афганистана и вся долина р. Инд от Гималаев до Индийского океана. В документах, относящихся к эпохе Ахеменидов, упоминаются некие пактии (предпо-

ложительно древние предки афганцев), жившие где-то в восточных сатрапиях. Впрочем, афганский историк Абдулхай Хабиби утверждает, что «названия ряда афганских племен, в частности пактиев (пуштунов), обитавших на севере Афганистана и в Нуристане, встречаются еще в сборниках вед (около XIV в. до н.э.)» [4].

В этногенезе населения рассматриваемого региона вплоть до второй половины IV в. до н.э. главенствовал иранский элемент. Этот многовековой процесс был прерван вторжением в пределы Ахеменидской империи греко-македонских войск во главе с Александром Македонским и образованием после его смерти державы Селевкидов, а затем (около 250 г. до н.э.) на ее восточных окраинах – независимого Греко-Бактрийского царства. В состав указанных эллинистических государств, просуществовавших в общей сложности два столетия, входили, кроме собственно Бактрии, также Арея [5], Арахосия и районы к югу от Гиндукуша. Следует, однако, заметить, что эллинистический элемент в целом не оставил заметного следа в этногенезе местного населения и вскоре растворился в нем как из-за малочисленности завоевателей – греков и македонян, так и в связи с проводившейся ими политики самоизоляции от «варваров-азиатов».

Между 140 и 130 гг. до н.э. Греко-Бактрию разгромил вторгшийся с севера мощный конгломерат ираноязычных массагетских кочевых племен и оседлых восточноиранских племен Средней Азии (китайские источники массагетов, как, впрочем, и кушан, именовали юэчжи). Предположительно, в данный союз входил также и ряд племен тюркского происхождения. Новые (степные) завоеватели, теснимые с севера тюркоязычными кочевыми племенами гуннов, пришедшими из глубины азиатского материка, двигались в двух направлениях: юго-восточном и юго-западном. Юго-восточная ветвь, где важнейшую роль играло племя тохар, осела на территории бывшей Бактрии. Позже эта область получила наименование Тохаристан (ныне на северо-востоке Афганистана расположена провинция Тахар). Юго-западная же ветвь, представленная в основном саками, не сумев в военных действиях одолеть парфян, была оттеснена последними на восток, в долины рек Гильменда и Аргандаба. Здесь со временем образовалось самостоятельное государство саков – Сакастан (Систан, Сейстан), простиравшееся на восток от Дрангианы и Арахосии до долин нижнего Инда [6].

Этносоциальная ситуация на территории, ныне входящей в Афганистан, стала заметно меняться с начала нашей эры. К этому периоду относится возвышение одного из племен восточных массагетов, известных в исторической литературе под именем кушанов. Созданная ими впоследствии Кушанская держава (25-227 гг. н.э.) объединила различные племена и народы на обширном пространстве от Амударьи до Ганга. Данному процессу содействовало то, что многие из них говорили на весьма сходных между собой иранских наречиях [7]. Для Кушанской империи была характерна еще одна отличительная черта: возросшее влияние в ее общественной и политической жизни индо-иранского компонента. Это касалось, прежде всего, религии, культуры и искусства. Вместе с тем, в кушанский период все больше давал о себе знать тюркский элемент, чему во многом способствовали интенсивно расширявшиеся контакты кочевых племен с жителями земледельческих оазисов, особенно в районах к северу от Гиндукуша.

Участие иранских и неиранских племен и народов в формировании национального состава Афганистана продолжалось и в последующие века. Они (эти племена и народы) один за другим вторгались в эту страну из обширного азиатского пространства, лежащего между горами Хингана на востоке и Каспийским морем на западе. В составе этих племен и народов выделялись три основные этнические группы: монгольская, тюркская и восточноиранская. Первоначальной территорией их обитания во второй половине I-го тысячелетия до н.э. являлись: монгольских племен – Прибайкалье и монгольские степи; тюркских – районы Алтая, Семиречья и оз. Балхаш, а племен массагетов и саков, говоривших на восточноиранских наречиях, – территория от р. Тарим (в Восточном Туркестане) до Каспия. В первые века нашей эры, в ходе их дальнейших переселений и столкновений между собой образуются разного рода объединения и союзы. Наиболее известными из них, оставившими след в этногенезе населения Афганистана, были: эфталитский племенной союз, в который, кроме восточномассагетских племен, входили также и неиранские группы (по-видимому, тюркские и тибетские); племенной союз белых гуннов (объединение массагетов и гуннов); племенной союз эфталитов и белых гуннов; племенной союз кидаритов (массагеты и гунны) и др. [8].

В V в. н.э. эфталиты, объединившись с белыми гуннами, образовали огромное варварское государство в Средней Азии, Афганистане, Северной Индии и на части территории Восточного Туркестана. По свидетельству византийского историка, участника походов того времени против Сасанидов Прокопия Кесарийского (ум. в 562 г.), эфталиты не принадлежали к «желтокожим варварам». Данную характеристику эфталитов подтверждали также и китайские источники. По их мнению, они (юэчжи, эфталиты) были белокожими и их язык не являлся ни тюркским и ни монгольским, а представлял собой некую смесь тюрко-иранских наречий [9].

Эфталитское государство распалось (между 563-567 гг.) под ударами индийских, сасанидских и тюркских правителей. Причем к Тюркскому каганату отошла Средняя Азия до Амударьи, а к Сасанидам – земли к западу от этой реки, в том числе Восточный Хорасан и Тохаристан. Правда, вскоре отношения Сасанидов с алтайскими тюрками испортились и между ними началась ожесточенная борьба за обладание Средней Азии и за право контроля над «великим шелковым путем». В первой половине VII в. тюрки все же были вытеснены с занятых территорий к северу от Гиндукуша, однако часть из них осталась здесь и впоследствии вошла в состав местного населения. С начала III в., с образованием государства Сасанидов, к процессам этнического, языкового и культурного смешения и перемешивания народов Афганистана присоединился и западоиранский (персидский) компонент. Уже при первых сасанидских царях у кушан была отвоена западная и северо-западная часть Афганистана, а при Хосрове I Ануширване (между 558-568 гг.) были захвачены Тохаристан, Кабулистан, Газнийское плато и восточные районы Афганистана.

Надо отметить, что в истории складывания многоплеменного и многонационального Афганистана, даже в рамках империй, вроде Селевкидов, Ахеменидов, Кушанов, Тюркского каганата, Сасанидов и пр., всегда существовали те или иные полузависимые, а иногда и независимые княжества и уделы, что в целом не могло не провоцировать сепаратистские настроения среди их этнических элит.

С середины VII в. на землях Афганистана появились новые завоеватели – арабы. Местное население, особенно Герата, Бадгиса, Балха, Тохаристана, Бамиана, Панджшера, Парвана, Горбанда, Кабула, Газни и Кандагара, оказало им упорное сопротивление. И только к началу IX в. Арабскому халифату удалось окончательно подчинить себе эти территории. Однако к данному времени халифат уже находился в состоянии политического распада. На его восточных окраинах одним из первых появились: в 861 г. – независимое государство в Сейстане во главе с иранской династией Саффаридов, а четырнадцать лет спустя – держава Саманидов, в состав которой вошли Средняя Азия, Герат, Балх, Тохаристан, Газни, Кабул, Нуристан. В рамках Саманидского государства происходило формирование таджикской народности и языка дари – предшественника современного таджикского языка.

В 999 г. Саманидское государство пало под ударами тюрков-Караханидов. Чуть раньше (в 977 г.) один из находившихся на службе у Саманидов тюркских военачальников, Себук-тегин, захватил Газни и положил начало династии Газневидов. В соответствии с договоренностью с Караханидами, к государству Газневидов отошли земли к западу от Амударьи, а к Караханидам – к северу и востоку от этой реки. С указанного времени усилились процессы смешения тюрков с местным, преимущественно ираноязычным, населением как на пространствах Средней Азии, так и на территории современного Афганистана.

Этнографическая карта Афганистана претерпела значительные изменения и в XI–XVII вв. Это было связано с вторжением в страну многочисленных тюркских завоевателей – сельджуков, татаро-монгол, хорезмшахов, Тимура и его потомков – тимуридов, Бабура и др. Особенно опустошительным, сопровождавшимся массовым истреблением местного населения было монгольское нашествие. Образовавшийся при этом этнический вакуум к югу от Гиндукуша стали активно заполнять спустившиеся с гор кочевые племена афганцев (пуштунов), а на севере, по обе стороны Амударьи, – узбеки. Одновременно шел естественный процесс перемешивания пришельцев-завоевателей с местным населением. Весьма примечательно, что в этих процессах ассимиляции большую этническую устойчивость и внутреннюю сплоченность демонстрировали племена и народы, принадлежавшие к иранской группе индоевропейской семьи языков и проживавшие к югу и северу от Гиндукуша.

Следует подчеркнуть, что на изменение этнографической ситуации в Афганистане в рассматриваемое время оказывали воздействие не только вооруженные вторжения чужеземцев, ассимиляция и миграция населения, но и насильственные переселения. Так, в конце XV в., при сефевидском шахе Аббасе I, около 10 тысяч семей афганцев из племени абдали были насильственно переселены в Гератскую область в наказание за участие в восстаниях против сефевидского правителя в Кандагаре. Позже такая же участь постигла и часть гильзаев, извечных соперников абдали, за причастность к сопротивлению войскам Надир-шаха Афшара при его осаде Кандагара в 1737–1738 гг. Они были выселены в Хорасан.

Итак, многонациональное население Афганистана складывалось в течение тысячелетий, в процессе миграций и вторжений в пределы региона многих племен и народов, их расселения и смешения с местным населением. Как уже отмечалось, предположительно во 2-м тысячелетии до н.э. сюда с северо-запада, из района Южного Урала и междуречий Дона-Днепра-Днестра-Дуная, пришли скотоводческие племена ариев. К началу 1-го тысячелетия до н.э. они уже заселили большую территорию Среднего Востока и Северной Индии. В последующие века вслед за евразийскими пришельцами в пределы современного Афганистана стали один за другим проникать и создавать здесь свои государственные образования персы, греки, саки, кушаны, эфталиты, арабы, таджики (Саманиды), тюрки, монголы. Все они – эти различные расы и народы – в той или иной мере приняли участие в этногенезе населения современного Афганистана.

К середине XVIII в., к моменту образования первого афганского государства во главе с Ахмад-шахом Абдали (Дуррани), в целом завершилось формирование национального состава Афганистана, существующего по настоящее время в географических границах страны. Исходя из сделанного выше анализа, есть все основания утверждать, что ни один народ, ни одно племя, из населяющих эту страну этносов (за исключением, пожалуй, только брагуи, имеющих дравидские корни), не может претендовать на автохтонность или другими словами – на «исторические права» коренного народа и связанные с ними особые-де политические привилегии и преимущества перед другими (некоренными) этносами, как это стало модным считать в националистических кругах многих стран, в том числе и Афганистана.

Что касается расового (антропологического) аспекта, то большинство этносов Афганистана принадлежит к европеоидам. Исключение составляют только тюркские и монгольские группы, хотя и среди них многие почти утратили черты монголоидов. В Афганистане нет и языкового единообразия. По приблизительным подсчетам, до 10–11 млн. человек считают язык пушту родным языком и не менее одной трети всего населения страны (примерно 8 млн. человек) – дари [10]. Вместе с тем в условиях исторического преобладания в стране ираноязычных племен и народов язык дари уже давно выполняет функцию языка межнационального общения (следует заметить, что язык дари или фарси-кабули на протяжении столетий, вплоть до 1936 г., являлся единственным официальным языком афганского государства). Исключительно богаты и культурные традиции страны. В них воедино слились элементы различных культур – ведической, авестийской, индо-иранской, персидской, эллинистической, тюркской, мусульманской и др. При этом особая роль принадлежит исламу. В течение веков он был и остается мощным консолидирующим фактором не только в области культуры, но и в общественной и политической жизни народов Афганистана.

Характеристика национальной структуры Афганистана

Согласно оценке, численность населения Афганистана (включая беженцев) в 2000 г. составляла 25 млн. 889 тысяч человек, из которых около 2,5 млн. вели кочевой и полукочевой образ жизни. Подавляющая часть оседлого населения (84,6 %) проживает в сельской местности и только 15,4 % – в городах. По западным прогнозам, население страны к 2010 г. может возрасти до более чем 34 млн. человек [11].

Многонациональное население Афганистана насчитывает в своем составе более 20 этносов, которые по этническому и языковому признакам можно условно разделить на следующие группы:

1. **ИРАНСКАЯ ГРУППА.** Она представлена пуштунами, таджиками, памирскими таджиками, персами, белуджами, чараймаками (фирузкухи, джамшиды, таймени, теймури), курдами, бахтиарами, ормури (бараки), парачи, зури, тахири и др. Расселены они практически по всей территории страны.
2. **ТЮРКСКАЯ ГРУППА.** Включает в себя узбеков, туркмен, казахов, киргизов, кызылбашей, афшаров, уйгуров, каракалпаков, татар, сельджуков, кыпчаков и др. Они проживают, как правило, на севере, северо-западе и северо-востоке страны, а также в Кабуле и Кандагаре.
3. **ТЮРКО-МОНГОЛО-ИРАНСКАЯ ГРУППА.** К ней относятся хазарейцы, проживающие компактно в центральной горной части Афганистана – Хазараджате, а также в южных приграничных провинциях и во многих городах, в том числе и в столице.
4. **ДАРДСКАЯ (ИНДОАРИЙСКАЯ) ГРУППА.** В ее состав входят нуристанцы (кати, ашкун, вайгали, прасун), пашаи (лагманцы) и тирахи (тирай), проживающие в высокогорных районах на северо-востоке Афганистана (провинции Кунар, Каписа и юг Бадахшана), провинции Лагман (в низовьях рек Алишанг и Алингар), к востоку от Джалалабада, по течению р. Кунар, в уездах Сароби и Пагман провинции Кабул, уезде Джагой провинции Газни и в некоторых других местах страны.
5. **ИНДИЙСКИЕ НАРОДЫ.** В Афганистане они представлены выходцами из Индии и Пакистана – сикхами и индусами, традиционно называемыми так не по этнической, а по конфессиональной принадлежности. Они живут во многих городах страны и занимаются, главным образом, торговлей и валютными операциями. Кроме них, в Афганистане проживает небольшая часть гуджаров, джатов, пенджабцев, лахида, гуджаратцев, бенгальцев, цыган и др.
6. **ДРАВИДСКАЯ ГРУППА.** Ее составляют брагуи – потомки народов, живших в пределах современного Афганистана и Индии еще до прихода сюда ариев. Их численность в Афганистане, видимо, не превышает 55 тысяч человек. Все они – скотоводы, ведущие кочевой и полукочевой образ жизни на юге провинций Кандагар, Гильменд и Фарах, а также в провинции Нимруз. Брагуи Афганистана подразделяются на племена захри-менгал, раисани, сарпарра и др.

Здесь уместно заметить, что в исторической литературе нет единого мнения относительно этнической принадлежности брагуи. В частности, русский этнограф XIX в. Н.В. Ханьков на основе того, что они (брагуи) имеют «такой же внешний облик, как и их предки, изваянные на древних памятниках Персеполя», относит их к арийцам [12]. Между тем индийский историк Б.Н. Луния причисляет брагуи к тюрко-иранскому типу (кстати, вместе с белуджами и афганцами Белуджистана и Северо-Западной Пограничной провинции Пакистана). Он, признавая «близкое сходство между языком дравидов и языком, на котором говорят брагуи, считает, что все же «брагуи не имеют ни расовых черт дравидов, ни каких-либо из присутствующих им обычаев» [13].

7. **МОНГОЛЬСКАЯ ГРУППА.** В Афганистане она представлена монголами. Их численность, видимо, составляет несколько десятков тысяч человек. Живут небольшими группами в провинции Гор, к востоку от Герата (здесь, по афганским статистическим данным 1984 г., их было 1824 человека), к северу от г. Меймене (провинция Фарьяб), к востоку от г. Газни и в провинциях Кундуз и Баглан. Они в основном сохранили монгольский язык и элементы уклада жизни своих предков, хотя, к примеру, гератские монголы уже говорят на языке дари, в котором присутствует довольно большая доля монгольских слов [14].

8. **СЕМИТСКАЯ ГРУППА.** В нее входят арабы и евреи. Общая численность арабов в Афганистане, по видимому, превышает 60-65 тысяч человек. Они живут тремя компактными группами на севере, в провинциях Фарьяб, Джаузджан, Балх и Саманган. Значительные по численности общины арабов имеются в провинции Герат и в окрестностях г. Джалалабада (д. Бехсуд). По подсчетам афганских статистических органов, численность гератских арабов, по состоянию на 1984 г., составляла 7561 чел. Кроме того, в этой провинции проживали еще три арабские по происхождению группы: хаджа (потомки первого «праведного» халифа Абу Бакра ас-Сиддика; их численность – 5781 чел.); хазраты (ведут свое начало от второго «праведного» халифа Омара бен аль-Хаттаб аль-Фарука; численность – около 500 чел.; большинство из них занимаются религиозной деятельностью); и садаты (называют себя «сеидами»; численность – 23 292 человека) [15]. Довольно многочисленна арабская община в д. Бехсуд. Автору этих строк привелось в апреле 1988 г. побывать в ней и иметь продолжительную беседу с пожилым арабом – деревенским старостой. По его словам, численность этой общины в то время превышала 10 тысяч человек. Все они, как, впрочем, и в других местах, говорят на языке дари и уже давно утратили свой родной язык – арабский.

Евреев после 50-60-х гг. XX в. в Афганистане осталось крайне мало (видимо, не более 1 тысячи человек). Проживают они в основном в Кабуле и Герате.

В афганских и зарубежных справочных изданиях обычно приводятся ориентировочные и часто весьма противоречивые сведения о численности населяющих Афганистан этносов. Так, авторитетное западное справочное издание («Энциклопедия Британика») следующим образом характеризует национальный состав этой страны, по состоянию на 1992 г. (тогда, по оценке данного издания, общая численность населения Афганистана составляла 18,052 млн. человек): пуштуны – около 6,86 млн. человек (38 %); таджики – более 4,5 млн. (25 %); хазарейцы – более 3,4 млн. (19 %); узбеки – более 1 млн. (6 %); чараймаки, туркмены, белуджи и прочие – более 2 млн. человек (12 процентов) [16]. Весьма отличные данные по этому поводу, даже с учетом поправки на время, приводятся в российских публикациях (по моему мнению, их данные представляются более близкими к действительности). По оценке последних, к началу 2000 г. численность пуштунов колебалась в пределах 10-11 млн. человек (т.е. 47-48 % от всего населения страны), таджиков – 4,5-5 млн. (24 %), хазарейцев – 1,9-2 млн. (9-10 %), узбеков 2 млн. (10 %), туркмен – более 0,5 млн. (2,5 %), прочих – более 1 млн. человек (4,5 %) [17].

ПУШТУНЫ (афганцы, патаны) – наиболее многочисленная группа населения Афганистана. Проживают во всех провинциях страны. Первое письменное упоминание этнонима «афганцы» относится к X в. н.э. [18]. Правда, афганский историк А.Х. Хабиби называет другую, более раннюю, дату. По его утверждению, «слово «абган», означающее не что иное, как «афганец», упоминается в наскальных надписях саса-

нидского царя Шапура I (между 260-272 гг. н.э.), высеченных в Накше-Рустам» [19].

О происхождении афганцев, в том числе и в исторической литературе, существует немало разных мифов и легенд, порой самых фантастических. Так, по свидетельству Александра Бёрнса, британского разведчика и резидента в Кабуле в 30-начале 40-х гг. XIX в., афганцы глубоко верили в то, что их родоначальниками были сыновья библейского Ноя – Сим и Хам (в литературе по Афганистану соответственно – Какул и Хабул). Согласно другой популярной легенде, афганцы имеют еврейское происхождение и ведут свою родословную через Кайса от израильско-иудейского царя Саула. Тогда местом их обитания являлась-де Сирия, откуда они были уведены в плен вавилонским царем Навуходоносором II и расселены в различных местах Персии и Мидии. В последующем они якобы ушли на восток, в горные районы Гора (Западный Гиндукуш), где местные жители будто бы называли их «Бани Афган» («афганцы») и «Бани Израиль» («израильтяне»), В подтверждение этой версии обычно ссылаются на коранического пророка Идриса, который-де упоминал о десяти израильских племенах, уведенных в плен и впоследствии нашедших прибежище в некоей стране Арзарет (идентифицируется с Хазараджатом). Все эти красивые легенды о семитском происхождении афганцев не разделяются ни зарубежными, ни афганскими историками и ни на уровне массового сознания [20].

В соответствии с еще одной широко распространенной легендой, будто бы отряд афганцев из 70 человек был приведен главой племени курейшитов Халид бен Валидом к пророку Мухаммеду в Мекку, где они в сражениях за дело ислама показали образцы храбрости и военного искусства, за что пророк, проводя их домой, преподнес им ценные подарки и, благословляя их народ, предсказал ему светлый жизненный путь. Кроме того, Мухаммед в знак особого благоволения к командиру афганского отряда Кайсу с удовольствием изменил его иудейское имя на арабское – Абдуллахид ("храбрый раб божий"). По преданию, Абдуллахид (Кайс, он же Патан) женился на дочери Халид бен Валида, от которой имел четырех сыновей по имени Сарбан (старший сын), Бетанай (Батан), Гаргашт и Карланай (Карлан, Карран). Они-то и стали, согласно легендарной генеалогии, прародителями четырех основных колен афганских племен – сарбани, батани (бетани), гаргашти и карлани (каррани) [21].

Большинство русских, советских и зарубежных исследователей-востоковедов сходятся во мнении, что первоначальным районом обитания афганцев были склоны Сулеймановых гор (на иранских языках слово «склон» звучит как «пошт» или «пушт»). Отсюда предположительно идет самоназвание афганцев – пуштуны, то есть «живущие на склонах»). В XI-XVI вв. они расселились на большой территории, лежащей к западу, северу и востоку от Сулеймановых гор. Примерно в это же время (с XI в.) началось складывание афганской народности. В этногенезе афганцев важную роль сыграли, кроме индоарийского, и другие элементы. Так, гильзаи, тюрки по происхождению, еще в X в., по словам арабского географа, сохраняли «язык, облик и быт тюрков» и только к XVI в. восприняли язык пушту и слились с афганцами [22].

Афганцы до сих пор сохраняют пережиточные черты родоплеменной организации, для которой характерны: общность территории обитания, кровнородственные связи, органы племенного самоуправления, вооруженное ополчение, нормы обычного права и джирговой демократии, общность языка (диалекта), племенное самосознание и т.д. Племенная структура пуштунов, в основу которой положен принцип мифического или действительного родства по отцовской линии, включает в себя несколько ярусов: всю этнообщность пуштунов (кау́м), союзы (объединения) племен и их ветви, племена (каби́ла) и их различные подразделения (таифа и др.), рода (хель) и семьи (кор или коранай). В афганской литературе нередко встречается термин «табар», которым могут обозначаться различные уровни внутриплеменных структур от каума до кора. По словам бывшего министра по делам народностей и племен ДРА Сулеймана Лайека, в Афганистане насчитывается, по приблизительным подсчетам, 1744 рода и различных подразделений племен до таифа включительно. Все они имеют свои названия. Что касается собственно племен, то их число только в пограничной с Пакистаном полосе достигает 100 [23].

Наиболее крупными племенными объединениями пуштунов являются дуррани (до 1747 г. они назывались абдали) и гильзаи.

По установившейся в Афганистане традиции, корни генеалогического дерева **ДУРРАНИЕВ** ведутся от Сарбана [24], его сына Барака и внуков Садо, Попаль, Алько, Ацака (Ачака), Мухаммада, Нура и др. По их имени названы основные племена (кланы) дуррани.

Основными районами обитания дуррани являются юго-западные и западные провинции Афганистана. Их численность ориентировочно составляет более 3 млн. человек. Они распадаются на две главные ветви: зирак (проживают в районе Кандагара) и панджпай (расселены в районе Гиришка и Шинданда). К первой ветви относятся племя баракзай и его кланы [25] (часто их также называют племенами) – попальзай, ачакзай (ачакзай) алькозай, мусазаи, садозай, мухаммадзай, а ко второй – нурзай, ализаи, исхакзай, маку и хугиани (последние живут в районе Джалалабада и к юго-востоку от него). Указанные племена делятся, в свою очередь, на более мелкие группы. Так, к примеру, племя нурзаев только на территории небольшого уезда Гулистан (на востоке провинции Фарах) распадается на группы джамалзай, халалзай, хаджазай, хочазай и баризай. По оценке 1985 г., численность каждой из этих групп колебалась от 60 семей (хочазай) до 600 (джамалзай). Вместе с тем, следует заметить, что племенная система у дурраниев более, чем у других пуштунских племен, в частности гильзаев, подверглась разложению и к концу XX в. утратила на некоторых ярусах свои прежние структурные черты.

Основные занятия дуррани – земледелие и кочевое скотоводство. Характерной чертой их перекочевков с зимних на летние пастбища является то, что они осуществляются в основном на небольшие расстояния, в пределах географических районов расселения дурранийских племен. Среди дурраниев весьма престижной считается государственная служба, в том числе военная. Их представители традиционно, начиная с образования афганского государства в XVIII в., составляют основную часть правящей элиты и госаппарата на всех его уровнях. Так, все афганские монархи от Ахмад-шаха (1747-1773 гг.) до Мухаммад Захир-шаха

(1933-19-73 гг.) принадлежали к дуррани (садозаи и мухаммадзаи).

ГИЛЬЗАИ, согласно легендарной генеалогии, ведут свое начало от Бетаная и входят в группу батани. Они, как и дуррани, подразделяются на две основные ветви: туран (в нее входят племена тохи, хотаки и др.) и буран (племена сулейманхель, алихель, андар, тараки и др.). Их общая численность – свыше 2 млн. человек. Самое крупное из гильзайских племен – сулейманхель (по-видимому, свыше 0,5 млн. человек). Оно включает в себя четыре подразделения: кайсархель и исмаилзаи (занимают земли к югу и западу от Газни), султанзаи (земледельцы; живут в долине Логар и в районе Меймене) и ахмадзаи (кочевники) [26].

Большая часть гильзаев ведет кочевой образ жизни. Основными районами их обитания (зшовок) являются Газнийское плоскогорье до Калати-Гильзаи на западе, провинции Логар, Майдан (к западу от Кабула), Пактия и Джалалабадская долина на востоке. На лето они откочевывают в провинции Бадахшан, Бамиан и Фарьяб, а также в Кухистан и Кухдаман. Занимаются скотоводством, верблюдоводством, кочевой торговлей и земледелием.

Среди пуштунов Афганистана особое место занимают так называемые «**ПОГРАНИЧНЫЕ ПЛЕМЕНА**», расселенные вдоль афгано-пакистанской границы. Их общая численность на середину 1980-х гг. определялась в 2,185 млн. человек [27]. Они распадаются на многочисленные, обособленные друг от друга и постоянно враждующие между собой племена. Численность каждого из них колеблется, как правило, от нескольких тысяч до 150 тысяч человек и более. К ним относятся племена сафи, шинвари, моманд (бар-моманд и куз-моманд, т.е. равнинные и горные моманды), чамкани или цамкани, джадран, джаджи или дзадзи, хостваль, мангал, тури, вазири, вардак и др. Для многих из указанных племен характерно деление на ветви и более мелкие группы. Так, мангалы подразделяются на две ветви – «белые» и «черные», а также вторичные структуры (подплемена) – джан-мангал и муса-мангал. Муса-мангал делится, в свою очередь, на группы хаджури, вардари, миралхель, йаби и т.д. В соответствии с легендарной генеалогией, многие пограничные племена (джадран, мангал, вардак, оракзаи, джаджи, африди, хаттак, утманхель и др.) относятся к группе карлани (каррани) [28]. Часть пограничных племен живет в Пакистане.

Пуштуны, компактно проживающие на юге, юго-западе, юго-востоке и востоке страны, продолжают сохранять свою этническую самобытность, прежний уклад жизни и хозяйственной деятельности, языковое и культурное своеобразие и традиционную родоплеменную организацию. Однако в других регионах Афганистана, в иной этнической, языковой и культурной среде они не избежали ассимиляции с местным населением. Примером может служить провинция Герат, где пуштуны исторически всегда составляли этническое меньшинство (в настоящее время – примерно 37-40 % всего населения провинции). Ныне многие гератские пуштуны, прочно сохраняя свою этническую самоидентификацию, уже в значительной степени смешались с местным, преобладающим по численности таджикским населением и утратили один из видов своей исторической преемственности – язык пушту. По афганским данным, дариязычными стали такие пуштунские племена Герата, как тахери, хугиани, баракзаи, ализаи, попальзаи, мухаммадзаи, гильзаи, вардаки, тарин, значительная часть нурзаев (67 845 человек из 89 784 нурзаев, живущих в провинции; остальные, компактно проживающие в уездах Адраскан и Шинданд, по-прежнему говорят на языке пушту) и др. Часть пуштунов провинции относится к билингвам, одинаково хорошо владеющим как пушту, так и дари. Это – исхакзаи, какар, алькозаи, ачакзаи и др. [29].

Пуштуны в своем подавляющем большинстве – мусульмане-сунниты ханифитского мазхаба. Лишь небольшая часть из них, проживающая на востоке страны (например, джаджи), принадлежат к шиитам.

Второй по численности этнической общности Афганистана, проживающей почти во всех его административных единицах, кроме округа Хост и провинции Кунар, являются **ТАДЖИКИ** – древнейшее оседлое, земледельческое население страны. Основными районами их обитания стали северные, западные и центральные провинции и большинство городов Афганистана. К примеру, в столице и ее провинции таджики составляют около 48 процентов всего их населения, в провинциях Парван – 67, Каписа – 51, Бадахшан – 75, Тахар – 45, Баглан – 48, Герат – более 44 процентов. Таджики не имеют родоплеменной организации, однако сохраняют деление на этнографические (региональные) группы, как-то: гури, дехварами, герати, панджшери, кабули, бадахши, сардехами, яфгали и др.

Особую группу составляют припамирские таджики – рушанцы, горанцы, ваханы, сангличцы, шугнанцы, ишканимцы, зебакцы, мунджанцы. Они говорят на языках и диалектах, входящих в восточноиранскую группу индоевропейской семьи языков. Эти языки и диалекты на протяжении веков, в силу обособленного существования жителей горных и межгорных районов настолько разошлись, что ныне их носители зачастую не понимают друг друга и в связи с этим в общении между собой используют язык дари и его диалекты.

Таджики занимаются в основном земледелием и ремеслами. В их среде сложилась довольно богатая прослойка торговой и предпринимательской буржуазии, значительная по численности интеллигенция и государственная бюрократия. По вероисповеданию большая часть таджиков – мусульмане-сунниты. Однако часть из них исповедует шиизм или входит в секту исмаилитов (к последним относятся, главным образом, припамирские таджики и жители равнинных районов Балха, Бадгиса и Герата).

УЗБЕКИ – наиболее крупная этногруппа среди других тюркских народов Афганистана. Согласно последним данным, узбеки по своей численности занимают в стране, наравне с хазарейцами, третье место. Они проживают компактной массой в равнинных, предгорных и горных районах к северу от Гиндукуша, составляя, правда, почти везде, кроме провинции Фарьяб, национальное меньшинство. Вместе с тем, мелкие группы узбеков встречаются по всей стране, за исключением провинций Кунар и Лагман. По приблизительным подсчетам, проведенным в 1985 г., их доля в процентах среди других этносов Афганистана в ряде северных провинций составляла: в Бадахшане – 19,1, Тахаре – 39, Кундузе – 16,8, Самангане – 33,8, Балхе – 8,8, Джаузджане – 20, Фарьябе – 55,9, Бадгисе – 2,5, Герате – 0,6.

Афганские узбеки в основном сохранили патронимическое и племенное деление, хотя, надо признать, их племенная система и внутриплеменные связи, по сравнению с пуштунами, довольно размыты и менее

архаичны. По антропологическому типу они – европеоиды с небольшой монголоидной примесью. Почти все узбеки Афганистана двуязычны: говорят и на узбекском, и на дари языках. Исключение составляют, пожалуй, только те из них, кто на протяжении веков жил в отрыве от своей основной массы. Примером могут быть узбеки Гератской провинции, как, впрочем, и проживающие здесь их собратья по крови – чагатаи и сорхкаманы. Продолжая считать себя узбеками, они уже утратили свой родной язык и стали почти все, за исключением пожилых людей, дариязычными [30]. Узбеки Афганистана исповедуют ислам суннитского направления. Все они – преимущественно оседлые жители. Основными сферами их хозяйственной деятельности являются земледелие, скотоводство (главным образом, овцеводство) и торговля.

ТУРКМЭНЫ – второй по численности тюркский народ Афганистана, близкий по антропологическому типу к узбекам. Расселены преимущественно в узкой полосе вдоль границы Афганистана с Туркменией, Узбекистаном и отчасти с Таджикистаном. Более чем половину из них составляют мигранты (мохаджеры) и их потомки, бежавшие в Афганистан из Средней Азии в 20-30-х гг. прошлого века в ходе басмаческого движения. Поселения туркмен носят очаговый характер. При этом, по данным оценки 1985 г., более 70 процентов из них населяют северные районы провинций Джаузджан, Балх и Фарьяб. Вторая большая туркменская община сосредоточена в провинциях Кундуз, Саманган и Баглан. Небольшие группы данного этноса живут также в провинциях Тахар, Бадахшан, Парван, Герат, Газни, Кандагар, Гильменд, Нимруз и Кабул. Большинство туркмен – скотоводы (кочевники и полукочевники; занимаются в основном коневодством и каракулеводством). Часть из них – оседлые земледельцы и искусные ковроткачи. Они, как, впрочем, и узбеки, киргизы, афшары и др., продолжают сохранять остатки родоплеменных отношений и делаться на племена. Наиболее крупными из них являются теке (провинция Герат), салор и сарык (Фарьяб), эрсари (Джаузджан), а также карама и чаудар. По религиозной принадлежности все туркмены – мусульмане-сунниты. Мусульманское духовенство среди них не пользуется особым вниманием [31].

ХАЗАРЕЙЦЫ – еще один довольно большой этнос Афганистана, не на много уступающий по своей численности узбекам (по другим данным, он даже превосходит последний). В этногенезе хазарейцев просматривается влияние, по крайней мере, четырех элементов: тюркского, монгольского, таджикского и пуштунского. Влияние последнего особенно заметно во внешнем (европеоидном) облике хазарейцев, проживающих в провинциях Газни и Урузган. Все хазарейцы говорят на языке дари. В их языке, однако, сохраняется небольшое количество (до 10 процентов) тюркских и монгольских элементов. Как уже отмечалось, они проживают в обширной центральной горной части Афганистана, в частности в провинциях Бамиан (по данным оценки 1985 года, их численность здесь доходила до 250 тыс. человек или составляла 82,8 процента от всего населения провинции), Газни (более 300 тыс. человек; 45 %), Урузган (более 260 тыс.; 56,2 %), Вардак (120 тыс.; около 40 %), Гор (около 75 тыс.; 21 %), г. Кабул и провинция (более 200 тыс.; около 14 %). Часть хазарейцев живет в других провинциях (Парван, Бадгис, Саманган, Балх, Джаузджан, Герат и др.), а также в большей части городов. Они ведут оседлый образ жизни и занимаются земледелием, скотоводством, ремесленным и кустарным промыслами, торговлей. Имеется у них и своя интеллигенция, и экономически состоятельная верхушка. Во второй половине XX в. тысячи хазарейцев дополнили ряды промышленных и строительных рабочих. Необходимо отметить, что в Афганистане хазарейцы – одна из самых, пожалуй, обездоленных и дискриминируемых этнических групп. Уделом ее представителей является выполнение, как правило, самой тяжелой и непрестижной работы – дворников, водноносов, грузчиков, хлебопеков, лотошников, старьевщиков, кожевников, баньщиков, мордешуев (обмывальщиков покойников), чернорабочих, прислуги и т.п.

В общественном укладе хазарейцев сохраняются пережитки родоплеменного строя, деление на племена и другие подразделения. Среди них наиболее крупными являются племена урузгани (на юге Хазараджата), джагури (центр и запад страны), дайкунди (север страны), бесуд (на востоке Афганистана), а также дайзанги, пулади, шейх-али, як-ауланг и др. Хазарейцы исповедуют в основном шиизм. Есть среди них и небольшая группа мусульман-суннитов ханифитского мазхаба (племена дайзенат, гави, хазарейцы-дах-зейнат, часть племени шейх-али). Многие хазарейцы, проживающие в центре страны, являются сторонниками секты исмаилитов. К ним относятся племена пайнда, мухаммад, дадзай, мухаммадзай, часть племени шейх-али, дайгупан и др. Секта исмаилитов в Афганистане довольно многочисленна и насчитывает более 1 млн. человек (как уже отмечалось, в нее, кроме хазарейцев, входят часть равнинных и горных таджиков, киргизов, некоторые группы чараймаков и др.

Из сказанного выше следует, что население современного Афганистана – это конгломерат различных рас и народов. При этом исторически сложилось так, что государствообразующая нация – пуштуны, составляя относительное меньшинство населения страны, в целом обитают компактной массой на большой территории к югу от Гиндукуша, а непустуны (национальные меньшинства) преимущественно расселены к северу от него, в центре и на северо-западе страны. Вместе с тем, пуштуны на протяжении последних трех столетий в результате миграций и целенаправленных переселений заметно продвинулись за пределы этой границы и, по данным на 1985 г., уже составили значительную долю среди традиционно проживающего здесь непустунского населения: Герат (город и провинция) – 40,4 процента, Бадгис – 37,9, Кундуз – 39,0, Балх – 32,2, Баглан – 27,8, Тахар – 9,7, Парван – 21,4, Каписа – 33,6, Кабул – 34,5.

Национальная неоднородность в Афганистане не ограничивается лишь уровнем этносов. Каждый из них, в свою очередь, распадается на обособленные друг от друга и нередко враждующие между собой многочисленные племена, племенные объединения (союзы), кланы, региональные (патронимические) группы и т.п. Эта внутритническая дробность характерна и для политически господствующего в стране пуштунского этносообщества, и для таджиков, тюркских народов, хазарейцев, нуристанцев и др.

Деление населения страны на обособленные друг от друга группы по признакам родства имеет глубокие исторические корни. В современную эпоху такое деление активно поддерживается и консервируется традициями племенной (земляческой) солидарности, представлениями (как на официальном уровне, так и

на уровне массового сознания) об исключительности и заслугах тех или иных племен и народов перед другими, притязаниями на власть местных светских и духовных авторитетов, фанатической приверженностью своим традициям и обычаям, религиозной принадлежностью и т.п. Одним из факторов, обусловивших этническую дробность населения страны, явилась географическая среда: многие племена и народы Афганистана, обитавшие на протяжении веков в изолированных друг от друга горных районах и долинах, законсервировали свою самобытность, меж- и внутриэтнические, в том числе и языковые, различия.

Характерной особенностью Афганистана является не только деление его этносов на мелкие составляющие, но и чересполосица их расселения практически по всей территории страны. Причем это расселение нигде (за исключением округа Шинвар) не закреплено принятыми административными границами.

Этническая неоднородность жителей Афганистана дополняется их религиозной разобщенностью. Хотя подавляющее большинство населения страны (98 %) – мусульмане, однако говорить об их каком-то внутриконфессиональном единстве (даже в рамках одного этносообщества) не приходится из-за распада верующих на суннитов, шиитов, приверженцев различных суфийских братств и мусульманских сектантов и связанных с этим глубоких противоречий и вражды между ними. Парадоксально, но факт: афганцы весьма лояльны к представителям других конфессий и даже к неверующим, в том числе и на бытовом уровне, но в то же время абсолютно не терпимы к инакомыслию в рамках своей веры – ислама.

Есть еще одна особенность Афганистана – его официальное двуязычие. Если вспомнить историю афганского государства, то можно заметить, что на протяжении двух веков (с 1747 по 1936 г.) в стране единственным государственным (официальным) языком был фарси-кабули. Правившим тогда, пуштунским по своему происхождению, династиям хватило мудрости не вводить сверху, декретом родной язык пушту в качестве государственного в связи с тем, что фарси был и оставался носителем и выразителем многовековой, более высокой культуры и в то же время являлся общепризнанным языком межнационального общения. И только в 1936 г., когда пуштуны в своем развитии обрели черты нации, их язык в законодательном порядке был провозглашен, наряду с фарси-кабули, еще одним государственным языком. Такое бескомпромиссное решение языковой проблемы весьма поучительно. Следует признать, что за последние 70 лет, с момента введения в Афганистане официального двуязычия, заметных изменений в сфере функционирования двух языков не произошло. По-прежнему официальное делопроизводство ведется преимущественно на языке дари. Все пуштуны, включая и тех, кто проживает компактной массой, продолжают сохранять двуязычие (пушту и дари). Что касается национальных меньшинств, то многие из них не владеют языком пушту. Для них только язык дари, как и прежде, остается языком межэтнического общения в Афганистане. Показывает, наконец, что многие его племена и народы имеют обширное этническое родство за пределами границ своего государства. К ним относятся: пуштуны, таджики, узбеки, туркмены, киргизы, казахи, нуристанцы, пашаи, белуджи, брагуи и т.д. Значительная часть из них входит в состав сопредельных государств – Пакистана, Туркмении, Узбекистана, Таджикистана, Ирана, КНР. Этот фактор, как видно из истории XX-начала XXI вв., не может не оказывать влияние на национальные и политические процессы и в Афганистане, и в соседних странах [32].

Национальный вопрос в Афганистане: прошлое и настоящее

Вся история развития самостоятельного афганского государства с момента его возникновения и до настоящего времени отмечена упорной борьбой за независимость страны, массовыми народными движениями в защиту прав и свобод национальных меньшинств, внутри- и межплеменными распрями, племенным сепаратизмом и никогда не утихавшими противоречиями и противоборством между пуштунами, с одной стороны, и непуштунами – с другой. Такого рода событиями была особенно насыщена афганская история XIX и XX вв.

Стоит вспомнить, что в XIX в. Афганистану пришлось выдержать два вооруженных вторжения английских колонизаторов и пройти через многочисленные внутренние распри, раздоры и междоусобные войны. И лишь к 50-70-м гг. афганским эмирам Дост Мухаммад-хану и Шер Али-хану удалось на короткое время одолеть сепаратизм местной племенной верхушки и номинально восстановить единое государство. Более удачными централизовать страну были попытки эмира Абдурахмана. Для этого ему пришлось подавить крупное гильзайское восстание 1886-1888 гг. и вооруженные бунты ряда пограничных племен Хоста и части населения Хазараджата, массовое восстание хазарейцев в 1892-1893 гг. и мятеж национальных меньшинств севера, возглавленный двоюродным братом эмира – его наместником в Афганском Туркестане, а затем завоевать Кафиристан (позже его жители были обращены в ислам, а область получила наименование Нуристана).

Добившись централизации государства на юге, в центре, на западе, севере и северо-востоке, Абдурахман попытался сделать это же на востоке страны, где компактно проживали пуштуны. Однако афганский эмир встретил здесь упорное противодействие со стороны британских колонизаторов. В результате торгового афганский эмир вынужден был пойти в 1893 г. на подписание с ними унизительного соглашения, в соответствии с которым появилась разграничительная линия между Британской Индией и Афганистаном, названная «линией Дюранда». Эта «линия» нарушила этнические границы пуштунов. Возникла так называемая «пуштунская проблема», дающая о себе знать и поныне.

Национальный вопрос продолжал по-прежнему оставаться в Афганистане взрывоопасным и после завоевания им независимости в 1919 г. Уже десять лет спустя это со всей очевидностью показали антиправительственное восстание Бачаи Сакао и последовавшая за ним гражданская война. Хотя на стороне восставших и выступали некоторые пуштунские племена – сулейманхель, хароти, хугиани и дарихель, однако межэтнический характер противоборства был очевиден: по одну сторону баррикад оказались национальные меньшинства севера (главным образом, таджики и хазарейцы), а по другую – пуштунские племена юго-востока страны [33].

Пришедшая в 1929 г. к власти династия Надира, осознавая хрупкость межэтнического мира в стране,

попыталась разработать и принять на вооружение в официальной пропаганде такие идеологические концепции, которые бы обеспечили общественное и национальное единство и спокойствие в стране. В их основу были положены идея исторической, культурной и религиозной общности населения Афганистана и, главное, дух афганства, призванный возвеличить особые достоинства и заслуги афганцев (пуштунов), их национальные традиции и обычаи. При этом в официальной пропаганде, как правило, замалчивался полиэтнический состав населения страны и назойливо внедрялась в общественное сознание мысль о некоей единой «афганской нации» [34]. В духе правительственных установок в афганской историографии того времени получило широкое распространение утверждение о том, что-де все жители Афганистана в прошлом были афганцами и что будто бы под руинами города Балха, «воздвигнутого примерно за 3000 лет до н.э., покоятся пока еще не обнаруженные останки древних афганских королей, правивших той обширной землей до ее завоевания Александром Македонским» [35].

Идея единой «афганской нации», как и другие идеологические концепции, призванные снять социальную и межэтническую напряженность, не нашли, да и не могли найти, отклик в обществе, отягощенном национальной рознью и племенным сепаратизмом. Ситуация в социальной сфере Афганистана приняла угрожающий характер особенно в период Второй мировой войны и в первые годы после ее окончания в связи с ухудшением и без того бедственного положения широких народных масс и участвовавшими вооруженными мятежами пуштунских племен. Правда, правительству М. Дауда, пришедшему к власти в 1953 году, удалось на время стабилизировать политическую обстановку в стране путем выдвижения и реализации программ ускоренного развития афганской экономики. Однако с начала 60-х гг. в Афганистане снова стала усиливаться внутривнутриполитическая напряженность. В этих условиях правящая монархическая верхушка вынуждена была пойти на демократизацию общественно-политической жизни и определенное, в рамках конституционно-монархического строя, реформирование устоев государственной власти. В принятой в 1964 г. Конституции Афганистана предусматривалось предоставление гражданам страны широких прав и свобод, включая и права на создание политических партий и организаций. Между тем в ней ни слова не говорилось о правах национальных меньшинств, да и вообще это понятие не употреблялось. Вместе с тем, Конституция законодательно закрепила положение об «афганской нации», под которой понимались все подданные афганского государства, независимо от их расы и национальной принадлежности [36]. Таким образом закладывалась основа для дискриминации национальных меньшинств.

С введением в действие данной Конституции общественно-политическая жизнь Афганистана вступила в качественно новый этап своего развития. В стране за короткое время появилось немало проправительственных и оппозиционных политических движений, партий и организаций. Среди них в числе первых, кто поставил вопрос о неотложной необходимости решить в стране национальную проблему, была Народно-демократическая партия Афганистана (основана 1 января 1965 г.). Она, указав в своей программе на сложившийся на протяжении веков многонациональный состав населения Афганистана и отметив, вместе с тем, существование в стране значительных ограничений прав и свобод и дискриминацию граждан по национальному признаку, выступила за объединение и сплочение всех племен и народностей Афганистана «на основе обеспечения интересов угнетенных классов, принципов братского равенства и всесторонней борьбы против любых проявлений национального гнета и притязаний на этническое, расовое, племенное, земляческое или клановое превосходство». Наряду с этим, была выдвинута идея пересмотреть административное деление страны с учетом экономических, языковых и культурных особенностей ее отдельных районов, а также решить языковую проблему [37].

В своих подходах к решению национального вопроса в Афганистане несколько дальше пошли другие левые организации, отколовшиеся в разное время от НДПА и представленные в основном выходцами из национальных меньшинств, а именно: Авангардная организация молодых рабочих Афганистана (АОМРА), Революционная организация трудящихся Афганистана (РОТА), Организация федаинов трудящихся Афганистана (ОФТА), Группа труда (ГТ) и ряд других. АОМРА, в частности, ставила в качестве главной цели своей деятельности «справедливое решение национального вопроса путем обеспечения полной свободы разных народов страны, права наций на самоопределение и на их добровольный союз в рамках национальных автономных республик» [38]. Эта организация, вместе с тем, резко критиковала концепцию афганства, выдвигаемую правящими монархическими кругами, а затем республиканским режимом М. Дауда, расценивая ее как проявление пуштунского шовинизма.

Предпочтение решению национального вопроса в интересах национальных меньшинств отдавала и РОТА. По ее взглядам, «единственно правильным путем решения национальных противоречий в Афганистане ... является Народная федеративная республика». При этом оговаривалось, что в тех исторических условиях эта республика не может иметь название какой-либо нации [39]. Эти же взгляды по национальному вопросу разделяла Группа труда и ряд других левых организаций.

Что касается афганских маоистов – членов левацкой группировки «Шоалеи джавид» («Вечное пламя»), то они, несмотря на свой крайний экстремизм и радикализм в подходах к решению насущных социальных проблем Афганистана, по национальному вопросу занимали довольно уклончивую позицию, ограничиваясь лишь декларацией о необходимости добиваться «подлинного экономического, политического, общественного и культурного равенства всех национальностей и национальных меньшинств» [40].

В противовес левым, афганские социал-демократы (в Афганистане они также известны под названиями «Афган меллат» («Афганская нация»), «Социал-демократическое общество», «Афганские социал-демократы» и «Афганская социал-демократическая партия») по национальному вопросу полностью разделяли идеи и взгляды официальных (монархических) кругов, хотя и считали себя политической силой, оппозиционной правительству. Их идейно-политическое кредо было изложено в редакционной статье первого номера их печатного органа «Афган меллат» от 5 апреля 1966 г., где говорилось об «острой необходимости выявить и ликвидировать элементы упадка афганской нации», о возрождении и упрочении «афган-

ского национального духа», «афганского духовного величия», «высоких целей и интересов афганства». «Дух афганства» объявлялся ими исключительным источником социального прогресса, материального и духовного расцвета нации и государства. Выступая с крайних националистических позиций, идеологи «Афган меллат» призывали придать языку пушту статус общенародного языка и, более того, «соединить все народы, расы и племена Афганистана в одну нацию, а традиции и социально-правовые факторы, составляющие их материальную и духовную жизнь, – в одну культуру» [41].

Проповедь афганского (пуштунского) национализма как единственного пути решения всех проблем страны дополнялась в «Афган меллат» геополитической идеей создания «Великого Афганистана» в границах империи Ахмад-шаха Дуррани, существовавшей непродолжительное время во второй половине XVIII в. С идеей «Великого Афганистана» смыкались и подходы афганских социал-демократов к решению пуштунской проблемы. Вопреки официальному курсу о предоставлении зарубежным пуштунам права на самоопределение, «Афган меллат» требовала для них национальной независимости и создания свободного Пуштунистана [42].

Такого рода крайне националистические взгляды и представления были довольно распространенным явлением среди пуштунской по происхождению гражданской и военной интеллигенции и чиновничества. Им противостояла в элитарных кругах лишь небольшая группировка приверженцев западных либеральных ценностей, называвшая себя Партией прогрессивных демократов (ППД). Ее идеологом и создателем был бывший афганский посол в США, премьер-министр (1965-1967 гг.) М.Х. Майвандваль. В отличие от «Афган меллат», ППД ратовала за равенство всех афганцев, мужчин и женщин, независимо от племени, языка и религии, против любых форм дискриминации, за «классовую терпимость», за социальное единство всех слоев и классов общества и решение всех злободневных проблем развития Афганистана мирным, законным путем, на основе пяти элементов – «ислама, конституционно-монархического строя, национального чувства, демократии и социализма» [43].

Не было четко разработанной программы по национальному вопросу и у консервативно-клерикальных кругов Афганистана и их многочисленных группировок, начиная с Общества улемов Мухаммади, Общества служителей Корана, Афганской партии Али, Мусульманской молодежи и до военно-политических организаций времен гражданской войны (Исламской партии Афганистана, Исламского общества Афганистана, Национального фронта спасения Афганистана и др.). Все они, избегая, как правило, говорить о многонациональном Афганистане, не обходили стороной необходимость борьбы против любых форм дискриминации и «каких-либо привилегий – расовых, языковых, географических и классовых». Вместе с тем, будучи нацеленными на создание единого и неделимого исламского (или даже сугубо теократического) государства, они открыто допускали дискриминацию по религиозному признаку. «Только степень приверженности Богу и благочестие – говорится в программе Исламской партии Афганистана (лидер – Г. Хекматъяр) – может быть мерилем превосходства» [44].

Острота национального вопроса не была снята и при республиканском режиме М. Дауда. Правда, на первых порах он под влиянием своего левого окружения, приведшего его к власти, уделил определенное внимание этому актуальному в Афганистане вопросу. В частности, выступая 23 августа 1973 г. по кабульскому радио с «Обращением к афганскому народу», М. Дауд обещал принять меры к «созданию подлинного морального и материального союза между народностями Афганистана на основе равенства, братства, дружбы и искоренения всех форм дискриминации» [45]. Однако какое-то время спустя, уже после освобождения от своего назойливого левого окружения, в М. Дауде взяли верх его пуштунское происхождение и его пуштунское самосознание. В марте 1975 г., обращаясь с речью к жителям г. Кандагара, он подчеркнул, что «существующий строй Афганистана опирался и будет опираться на национальную основу и национализм» [46]. При этом под «национализмом», как и прежде, при монархии, им понимались идеи пуштунской исключительности, дух афганства, как истинные и высшие национальные ценности. Чуть позже положение о единой «афганской нации» было снова законодательно закреплено в его (даудовской) Конституции Республики Афганистан (1977 г.). В ней, как и в монархической конституции 1964 г., ни слова не говорилось о многонациональном характере афганского государства, что, естественно, не могло не спровоцировать антипуштунские настроения среди национальных меньшинств.

Определенные надежды на улучшение климата в межнациональных отношениях возникли с приходом к власти в Кабуле левых демократов [47]. К сожалению, НДПА, оказавшись у руля государства, в силу разных обстоятельств – объективных и субъективных – не смогла выдвинуть и претворить в жизнь сколько-нибудь всеобъемлющую и конструктивную программу решения сложного и крайне болезненного в стране национального вопроса, ограничившись лишь декларациями общего характера, типа «искоренить национальное неравенство», «решить демократическим путем национальный вопрос», «уважать достойные национальные обычаи и традиции», «ввести обучение и издание литературы на родных языках населяющих Афганистан племен и народностей» и т.п. На практике же решение национальных проблем свелось лишь к введению в программы радио- и телевидения передач, наряду с пушту и дари, еще и на узбекском, туркменском и нуристанском языках, к переходу к обучению на национальных языках в некоторых школах и Кабульском университете, началу издания литературы, учебников и прессы на узбекском, туркменском и других языках.

Правительство Тараки-Амина, прикрываясь показной, словесной заботой об интересах, правах и свободах национальных меньшинств и фактически сведя решение национального вопроса к культурно-языковой сфере, в главном осталось на позициях прежних режимов. Оно игнорировало многонациональный состав населения Афганистана и его регионов, упорно продолжало политику пуштунизации партийно-государственного аппарата за счет, главным образом, выходцев из гильзайско-пактийских районов, во внутреннем общении, служебной корреспонденции, средствах массовой информации и публичных выступлениях демонстративно отдавало предпочтение языку пушту, что в дариязычной, таджикизированной столице и среди национальных меньшинств воспринималось как рецидив дискриминации по языковому при-

наку в угоду пуштунского шовинизма, не учитывало национальную специфику регионов при проведении социальных и экономических реформ, отказывалось от сотрудничества с патриотически и прогрессивно настроенными авторитетами племен и этносов страны и, более того, проводило массовые репрессии и акты террора против национальных меньшинств и их духовных и светских лидеров, не признавало, обвиняло в сепаратизме и пыталось грубой силой ликвидировать политические организации и группировки (в основном левого направления), возникших на национальной базе и выражавших интересы этнических меньшинств.

Крен в сторону пуштунизации партийного и государственного аппарата за счет вытеснения из него таджиков и представителей других этносов стал еще более заметным летом и осенью 1978 г., после изгнания из руководства страны и партии членов крыла Парчам. В итоге пуштуны получили в ЦК партии преобладающее число мест – 73 процента. В провинциях севера страны, не говоря уже о юге, партийные организации и их партийные комитеты формировались почти исключительно из пуштунов. Пуштунизация охватила также и создававшиеся в тот период массовые общественные организации (молодежные, женские, профсоюзные). В целом пуштунский национализм, принявший при Тараки-Амине уродливые, агрессивные формы, не мог не вызывать среди этнических меньшинств ответной реакции – не менее агрессивный антипуштунизм, что еще больше усугубило и без того сложную национальную ситуацию в стране и значительно увеличило число противников левого режима.

Таким образом, режим Тараки-Амина, склонный к левацким авантюрам и экспериментам и ослепленный идеей афганства, не только упустил благоприятную возможность для установления в стране подлинного национального согласия, но и что весьма прискорбно, еще больше усилил исторически сложившееся противостояние между пуштунами и непуштунами. В связи с этим есть все основания утверждать, что именно с приходом к власти правительства Тараки-Амина разгоравшаяся тогда день ото дня гражданская война, вызванная первоначально идейно-политическим противоборством двух сторон, стала все заметнее обретать еще и черты межэтнического конфликта.

Когда же пожары гражданской войны охватило всю страну, а эскалация вмешательства извне превратила ее территорию в полигон конфронтации двух мировых систем и дестабилизирующий фактор и в регионе, и в мире, для последующих левых режимов (Б. Кармаля и Наджибуллы), как представляется, почти не осталось реальных шансов решить в полном объеме национальный вопрос. Тем не менее, в своей практической деятельности они никогда не снимали с повестки дня необходимость решения тех или иных, в общем-то частных, аспектов этого вопроса. Так, правительство Б. Кармаля сразу же после прихода к власти в конце декабря 1979 г. приняло меры к восстановлению языкового баланса в официальном делопроизводстве и межнациональном общении, начало решать кадровую проблему в центре и на местах с учетом национальных особенностей страны и активно налаживать контакты и сотрудничество с различными племенами и народностями Афганистана с целью оздоровления межэтнических отношений (прежде всего в «зоне» расселения пуштунских племен), стало регулярно проводить массовые кампании по сплочению вокруг себя всех национально-патриотических сил, включая влиятельных представителей национальной буржуазии, духовных и племенных авторитетов, интеллигенции и т.п. В числе такого рода усилий была и представительная конференция национальных и патриотических сил, состоявшаяся в Кабуле в декабре 1980 г. Конференция высказалась за создание Национального отечественного фронта, в который бы вошли все массовые общественные организации и индивидуальные члены из числа всех этносов страны и который бы взял на себя функции по сплочению всех национальных и патриотических сил во имя национального мира и согласия. В состав руководства Национального отечественного фронта (позже Национального фронта) в центре и на местах, до волости и деревни включительно, вошли представители практически всех населяющих Афганистан этносов.

К середине 80-х гг. XX в. для высшего руководства в Москве и Кабуле стало совершенно очевидным, что афганский, донельзя интернационализированный кризис, к тому же сильно отягощенный внутренними межэтническими и межконфессиональными противоречиями, не может быть решен военным путем. Начались поиски альтернативы ему. Так в кремлевских кабинетах появилась на свет «политика национального примирения в Афганистане», под которой понимались не только комплекс мер по восстановлению мира и спокойствия в стране в общенациональном масштабе, но и, как ее неотъемлемый элемент, нормализация межэтнических и межконфессиональных отношений. Эта политика была окончательно оформлена и законодательно закреплена в решении чрезвычайного заседания Революционного совета ДРА от 3 января 1987 г. под названием «Декларации о национальном примирении в Афганистане» [48]. Для практической реализации политики национального примирения вместо потерявшего доверие у Москвы Б. Кармаля, полупуштуна-полутаджика по национальной принадлежности, был (еще в апреле 1986 г.) избран молодой, энергичный М.Наджибулла, гильзай из Пактии, креатура КГБ СССР.

В череде мер, которые режим Наджибуллы настойчиво предпринимал для умиротворения страны, никогда без внимания не оставался и национальный вопрос. В начале ноября 1987 г. афганский лидер в беседе с М.С. Горбачевым, снова признав актуальность этнического фактора для обеспечения демократического развития Афганистана, его решение вполне обоснованно увязал с общим курсом на национальное примирение. «В случае успеха политики национального примирения, – заявил он, – появятся условия, необходимые для того, чтобы обеспечить подлинное равенство всех этнических групп и племен страны, вплоть до предоставления им национальной автономии и права на самоопределение» [49].

Важным шагом на этом пути явились принятие Лоя джиргой в конце ноября 1987 г. новой Конституции Республики Афганистан и избрание Наджибуллы президентом страны. Весьма показательным, что в данном документе, в отличие от всех прежних монархических и даудовской конституций, отсутствовало положение об «афганской нации», что, как уже говорилось, раньше вызывало недовольство и протесты в стане национальных меньшинств, в том числе и на уровне массового сознания. Более того, в этой Консти-

туции отмечалось, что «Республика Афганистан – многонациональная страна» [50]. В ней было также заявлено, что государство будет продолжать «политику всестороннего развития взаимопонимания, дружбы и сотрудничества всех национальностей, народностей и племен страны в целях обеспечения равенства в политической, экономической и социальных сферах, в области культуры и образования». Однако самым примечательным в этом Основном законе страны явилось то, что впервые за всю ее историю государство брало на себя обязательство постепенно подготавливать «предпосылки для создания административных единиц на основе национальных особенностей». Последнее было явной уступкой лояльной правительственной оппозиции, открыто выступавшей с лозунгами федерализации Афганистана.

Однако этим намерениям и планам не суждено было сбыться. Режим Наджибуллы, олицетворявший собой чаяния и надежды широкой демократической, национально-патриотической и прогрессивной афганской общественности, был подло предан горбачевско-ельцинской камарильей и пал под ударами выпестованных и обученных Западом религиозных экстремистов. Афганистан на многие годы был ввергнут в пучину кровавых межэтнических и межконфессиональных разборок. В них особой жестокостью отличались талибы, захватившие во второй половине 90-х гг. XX в. значительную часть территорий страны. Создавая теократическое государство и насаждая в обществе с помощью террора и грубой силы нормы жизни в соответствии с канонами ислама в их средневековой интерпретации, талибы, вместе с тем, в подходах к решению национального вопроса всецело руководствовались воинствующей идеологией пуштуоцентризма, духом афганства. Отсюда не случайно, что талибы, не успев прийти к власти, получили поддержку со стороны пуштунских националистов, от крайне правых консервативных до либеральных, проживавших по обе стороны афгано-пакистанской границы и за рубежом среди афганской политэмиграции. Кстати, одной из первых в Кандагар, к лидеру талибов мулле Мухаммаду Омару, с выражениями симпатий прибыла делегация известных в эмиграции пуштунских шовинистов, группирующихся вокруг их печатного органа – газеты «Моджахед вулус». По возвращении из Кандагара они обратились с открытым письмом к президенту США Б. Клинтону с требованием официально признать движение «Талибан» и установить с ним дипломатические отношения [51].

Ликвидация экстремистского режима талибов в 2001 г. не принесла мира и безопасности на афганскую землю. Хотя в Кабуле с помощью Запада, конкретно силами американо-натовского альянса, к власти был приведен их ставленник, пуштун из Кандагара Хамид Карзай, однако его влияние не распространяется далее Кабульской долины и некоторых районов юго-запада страны. Афганистан распался по этническому признаку на ряд независимых друг от друга уделов, в которых правят те или иные полевые командиры и этнические лидеры, а именно:

- северо-восток страны (Кухистан, Кухдаман, Панджшер, Бадахшан и др.), находящийся под властью Исламского общества Афганистана и его сильных вооруженных формирований под командованием таджика, маршала М. Фахима. Основную часть населения этого региона составляют таджики и представители других национальных меньшинств;
- север страны, близ границ с Туркменистаном, Узбекистаном и Таджикистаном. Здесь власть сосредоточена в руках Национального исламского движения Афганистана во главе с узбеком, генералом Абдуррашидом Дустомом, имеющим под ружьем десятки тысяч хорошо обученных и вооруженных бойцов. А.Р. Дустом и его Движение выступают за «образование в Афганистане федеративного государства, основанного на религии ислам» [52]. Пользуется широкой поддержкой Узбекистана и Турции;
- северо-запад (провинции Герат, Гор, Бадгис, Фарах) во главе с полевым командиром из Исламского общества Афганистана, таджика по национальности, генералом Исмаил-ханом (в обиходе «туран Исмаил», т.е. "капитан Исмаил"). Получает значительную помощь и поддержку со стороны Ирана;
- центр страны (Хазараджат), где уже многие годы правит проиранская Партия исламского единства Афганистана, располагающая многочисленными вооруженными отрядами шиитов-хазарейцев во главе с Каримом Халили;
- северо-восток и восток (провинции Лагман, Кунар, часть провинции Каписа, юг Бадахшана) по-прежнему остаются во власти племенных вождей и старейшин индоарийской группы народов нуристанцев, пашай и др. В их распоряжении находится сильное вооруженное ополчение;
- ряд районов северо-востока и севера страны (Бадахшан, Бадгис, Балх и Герат) контролирует секта афганских исмаилитов, располагающая внушительной и хорошо вооруженной силой;
- провинции Гор, Кунар и Нангархар. Здесь действуют не подчиняющиеся центру отряды пуштунских племен во главе с преемниками Абдул Кадыра (после его гибели). Эти отряды раньше входили в Северный альянс и воевали против талибов;
- провинции к югу от Гиндукуша (вдоль афгано-пакистанской границы), населенные пуштунами, как и прежде, лишь номинально признавая центральное правительство в Кабуле, полностью подчинены власти племенной верхушки и полевых командиров, в том числе и из стана экстремистских группировок, финансируемых консервативными арабскими режимами. Именно здесь наши имеют приют и поддержку сторонники движения «Талибан» и «Аль-Каиды» после их разгрома в 2001 г. [53].

Данный распад Афганистана по этническому признаку на различные уделы и разновекторность их поддержки извне не внушают особого оптимизма относительно быстрее разрешения афганского конфликта и нормализации политической ситуации в этом обширном центральноазиатском регионе. Повторимся, дело в том, что влиятельные военно-политические группировки, представленные национальными меньшинствами, абсолютно не приемлют идею воссоздания единого афганского государства, в котором политически доминировали бы пуштуны. Как показывает анализ афганской истории, этнические меньшинства страны, составляющие в общей сложности более половины ее населения и проживающие преимущественно к северу от Гиндукуша, уже давно тяготеют политической властью пуштунов. Эти антипуштунские настроения усиленно подогреваются рвущейся к власти таджикской и узбекской буржуазией, ставшей в Афганистане к настоящему времени в силу определенных исторических условий основной эко-

номически и финансово господствующей силой. Культивированию подобного рода настроений антипуштунизма и сепаратизма содействуют и геоэкономические факторы. Как известно, на севере страны сосредоточены почти 60 процентов всей земельной площади, занятой под зерновыми и овощами, 46 процентов – под фруктами и более 80 процентов – под техническими культурами. Кроме того, в северных районах Афганистана выращивается более 70 процентов поголовья мелкого рогатого скота и почти все 5-6 млн. каракульских овец.

Усилению антипуштунских настроений способствовали и последние десятилетия, когда гражданская война проходила в основном в русле противоборства непуштунов, с одной стороны, и пуштунов – с другой. При этом победа Северного альянса в военных операциях против талибов-пуштунов породила в массовом сознании этнических меньшинств комплекс силового и морального превосходства над своим противником и укрепила их решимость добиваться для себя широкой автономии, для которой уже придумано название – Хорасан.

Сепаратистские устремления в Афганистане упорно иницируются и извне. В частности, активную роль в этом играют Узбекистан и особенно Турция, издавна лелеящая мечту о создании под своей эгидой «Великого Турана» от Средиземного и Черного морей до Восточного Туркестана. Далеко идущие цели усиления своего влияния в Афганистане на панисламистской и этнической основе пытается реализовать и теократический Иран. Во всяком случае максимум автономии и политическая стабильность в районах афганского севера в наибольшей степени отвечают геополитическим интересам как западных, так и северных соседей Афганистана, включая и интересы России.

Вне сферы иностранного интереса не остаются и пуштуны. В решении их судьбы весьма заинтересован восточный сосед Афганистана – Пакистан. Как известно, влиятельные пакистанские военные круги еще со времен генерала Зия-уль-Хака вынашивают идею создания некоей афгано-пакистанской конфедерации как наиболее приемлемой формулы урегулирования афганского вопроса. Вместе с тем, пакистанская правящая верхушка не отказывается и от идеи сохранения единого афганского государства, однако такого, которое не поднимало бы проблему Пуштунистана на уровень межгосударственных отношений. Пакистан выступает решительно против раскола Афганистана по этническому признаку, опасаясь, что это неизбежно побудит пуштунов к созданию самостоятельного пуштунского государства с включением в его состав многоплеменного Пуштунистана. Такое развитие событий может поставить под серьезную угрозу территориальную целостность Пакистана.

Идею федерализации Афганистана решительно отвергают пуштунские националисты всех мастей. Ради сохранения единого афганского государства при главенстве пуштунов они готовы пойти на использование всех средств, вплоть до военных, что, естественно, чревато растягиванием этнического конфликта в стране на неопределенно длительное время.

Оценка этнической ситуации в Афганистане и перспектив ее нормализации будет неполной без учета появившегося в этом регионе американо-натовского фактора. Вырвавшись далеко за пределы своего географического пространства, американо-натовый альянс превратил в арену своего военного присутствия огромный регион Центральной, Средней и Южной Азии, а также зону Аравийского моря и Персидского залива. Если брать во внимание стратегические замыслы США править миром, то есть все основания предполагать, что военное присутствие США и их союзников в этой части Азии может растянуться на многие годы. США, взявшие на себя роль мирового жандарма, не заинтересованы в стабилизации обстановки внутри и вокруг Афганистана, так как, в противном случае, им пришлось бы убрать свои военные базы и в этой стране, и в регионе.

Впрочем, в стабилизации обстановки внутри Афганистана не заинтересованы и местные наркочаны, которые за период после падения правительства Наджибуллы переориентировали сельскохозяйственное производство в стране в значительных размерах на выращивание наркосодержащих растений – опийного мака и индийской конопли. Получая миллиардные прибыли в иностранной валюте от преступного бизнеса, выходящего далеко за пределы страны и региона, наркочаны располагают огромными возможностями (и не только финансовыми), чтобы не допустить укрепления независимой от криминала центральной власти и сохранить на длительное время выгодные им состояние анархии и хаоса и раздробленность страны.

Заключая все сказанное выше, представляется необходимым повторить, что многие населяющие Афганистан этносы продолжают до сих пор сохранять родоплеменную организацию. Она характерна и для государствообразующей нации – пуштунов, и для хазарейцев, нуристанцев, узбеков, туркмен, белуджей и др. В целом этническая неоднородность, незакрепленность районов расселения различных народов административными границами, существующие острые межэтнические и межплеменные противоречия и межконфессиональные раздоры – все это, вместе взятое, остается в стране постоянно действующим дестабилизирующим фактором. При этом глубокий раскол на этнической почве в Афганистане проходит не только по линии «пуштуны – непуштуны», но и между дурраниями и гильзаями, пуштунами Кандагара и Пактии, между отдельными пограничными племенами и т.д. Кроме того, пуштуны, ревниво оберегая свою независимость, автономный статус и архаичный образ жизни, всегда считали и продолжают считать центральную власть враждебной себе силой. В связи с этим обстоятельством районы расселения пуштунских племен по-прежнему остаются для центра своеобразной пороховой бочкой, готовой взорваться от любой случайной искры. Следует заметить, что центральное правительство и при монархических, и при последующих режимах никогда полностью не владело обстановкой в указанном районе.

Как думается, решение давно назревшего в Афганистане национального вопроса возможно лишь на путях реализации целого комплекса мер; внутри- и внешнеполитических, правовых, административно-территориальных, социально-экономических, культурных, конфессиональных и др. Любое изъятие хотя бы одного из этих мер неизбежно оставит тлеющие угля, которые при определенных условиях могут снова вызвать всепожирающий пожар общенационального масштаба. Пока же перспектива решения этого,

весьма болезненного для Афганистана вопроса остается крайне проблематичной не только из-за глубоких межэтнических, внутрплеменных и конфессиональных противоречий, продолжающейся гражданской войны, но и в связи с иноземным (американо-натовским) военным присутствием в стране.

Примечания

1. См. об этом: История Востока. Т.1. Восток в древности. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. – С.27-28, 261-262; История Афганистана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. – М.: Мысль, 1982. – С. 6-10, 16; Губар М.Г.М. Афганистан на пути истории. – Кабул: Государственная типография, 1346 (1967). – С.32. – На языке дари (Афганестан дар масир-е тарих); Хабиби, Абдулхай. Краткая история Афганистана. Т.1. – Кабул, 1346 (1967). – С.1-4. – На языке дари (тарих-е мохтасар-е Афганестан); Луния Б.Н. История индийской культуры с древнейших веков до наших дней. Перев. с англ. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – С. 22-23.
2. Луния Б.Н. История индийской культуры. – С.24; см. тж: Хабиби А.Х. Краткая история Афганистана. Т. 1. – С.7-8.
3. Авеста в русских переводах (1861-1996) / Сост., общ. ред., примеч., справочный раздел И.В. Рака. – Изд. 2-е, исправ. – СПб.: Журнал «Нева», «Летний сад», 1998. – С. 69-72.
4. См. об этом: История Афганистана. – С.29-30; Хабиби А.Х. Краткая история Афганистана. Т. 1. – С. 7-8; История Древнего Востока. – М.: Высшая школа, 1979. – С. 291, 295.
5. К середине I в. до н.э. Арея была включена в состав Парфянского царства.
6. См. об этом: История Востока. Т.1. – С. 549-551; Всемирная история. Т.П. – М.: Госполитиздат, 1956. – С. 430-432, 521, 557, 560; Губар М.Г.М. Афганистан на пути истории. – С. 39-48; Хабиби А.Х. Краткая история Афганистана. Т. 1. – С. 62.
7. Всемирная история Т.П. – С. 672.
8. См. об этом: Всемирная история. Т.П. – С. 783; Губар М.Г.М. Афганистан на пути истории. – С. 54-56; Хабиби А.Х. Краткая история Афганистана. Т.1. – С. 76-77; Советская историческая энциклопедия. Т.12. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – С. 467; Советская историческая энциклопедия. Т.16. – М.: Советская энциклопедия, 1976. – С. 688.
9. См. об этом: Хабиби А.Х. Краткая история Афганистана. Т.1. – С. 75.
10. Афганистан. Справочник. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – С. 41-42; Encyclopedia Britannica 1994-2002 // Afghanistan: Dari language.
11. По данным этого английского издания, относящимся, видимо, к началу 1990-х гг., численность жителей страны, считавших дари родным языком, составляла около 5 млн. человек.
12. Афганистан. Справочник. – С. 29; Encyclopedia Britannica // Afghanistan. Year Review 2001. Statistics.
13. См. об этом: Ханьков Н. Записки по этнографии Персии. – Париж, 1866. Цитата приводится по: Жигалина О.И. Этническая эволюция иранского общества. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – На обороте переплета.
14. Луния Б.Н. История индийской культуры. – С.21,23.
15. Садеки, Шамсэдин Зариф, Особенности и численность племен и народов провинции Герат // Меллиятха-йе барадар. № 7. – Сентябрь- октябрь 1984. – С.40. – На языке дари.
16. Там же, с. 39, 40.
17. Encyclopedia Britannica. 2002 // Afghanistan. Statistics.
18. Афганистан. Справочник. – С. 31-40.
19. Рейснер И.М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. – С.28; Губар М.Г.М. Афганистан на пути истории. – С.9.
20. Хабиби А.Х. Краткая история Афганистана. Т. 1. – С. 7.
21. Хекмат, Джалаг-хан. Социально-экономическая структура пуштунов до Апрельской революции. – Кабул: Издательство Академии наук ДРА, 1362 (1983). – С. 134. – На языке пушту; Ali, Mohammad. The Afghans. – Kabul, 1969. – P. 6-7; Wolfe N.H. An Historical Guide to Kabul. – Kabul: The Afghan Tourist Organization, 1965. – P.3; Newell N.P., Newell S.R. The Struggle for Afghanistan. – Ithaca and London: Cornell University Press, 1981. – P. 23.
22. Ali, Mohammad. The Afghans. – P. 7-8.
23. Рейснер И.М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. – С. 34-35, 52.
24. См. об этом: Лайк С. Коротко о пуштунских племенах. – Кабул: Академия наук ДРА, 1365 (1986). – С.16. – На языке дари.
25. В связи с тем, что Сарбан был старшим среди своих братьев- прародителей пуштунских племен, дуррани обосновывают этим свое преимущественное право на верховную власть и привилегированное положение в афганском этносообществе.
26. См. об этом: Босворт К.Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. Перев. с англ. – М.: Наука, 1971. – С. 274.
27. См. об этом: Рейснер И.М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. – С. 265-267.
28. Лайк С. Коротко о пуштунских племенах. – С.29.
29. Там же, с. 16-17; см. тж: Шпажников Г.А. Религии стран Западной Азии. – М.: Наука, 1976. – С. 193.
30. См. об этом: Садеки Ш.З. Особенности и численность племен и народов провинции Герат. – С. 36-43.
31. Там же, с.38, 43.
32. См. об этом: Шпажников Г.А. Религии стран Западной Азии. – С. 195-196.
33. Особенности национальной ситуации в Афганистане, в том числе и проблема «разделенных народов», были обстоятельно исследованы известными советскими афганцами проф. Р.Т. Ахрамовичем, В.В. Басовым и Э.А. Баграмовым и изложены в подготовленной ими в июне 1987 года справке для служебного пользования «О национальной проблеме в Афганистане» (машинописный текст).

34. См. об этом: Шах Вали, маршал. Мои воспоминания. Перев. с фарси. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – С. 66-95.
35. В этом отношении весьма показательна речь афганского монарха Надир-шаха, произнесенная им 6 июля 1931 г. при открытии сессии парламента страны. В ней ключевым словом была "афганская нация". См: Ali, Mohammad. Progressive Afghanistan. – Lahore: Punjab Educational Electric Press, 1933. – P. 192-220.
36. Afghanistan. Ancient Land with Modern Ways. – Kabul: Produced by the Ministry of Planning of the Royal Government of Afghanistan., [1962]. – P.31; см. тж: Рейснер И.М. Реакционные идеи в современной историографии Афганистана // Вестник Академии наук СССР. № 5. – Май 1948; Ахрамович Р.Т. К вопросу об эволюции политико-идеологических доктрин в Афганистане // Проблемы истории Индии и стран Среднего Востока. – М.: Наука, 1972.
37. Конституция Афганистана. Перев. с дари. – Кабул: Эдьюкейшн Пресс, 1964. – Ст. 1.
38. Демократическая программа Хальк. – Кабул: Партийная типография, 1988. – С. 21-25. – На языке дари (марам-е демократик-е халк).
39. См. об этом подробнее: Слинкин М.Ф. Афганистан. Страницы истории (80-90-е гг. XX в.) // Культура народов Причерноморья. – № 41. – Симферополь: Межвузовский центр "Крым", 2003. – С. 198-253.
40. Очерк истории и нынешнего курса РОТА. – Кабул, джуза 1362 (1983). – С. 9-10. – На языке дари (ро-тапринт).
41. Шоалеи джавид. – 1968, 4 апреля.
42. Афган меллат. – 1966, 26 апреля.
43. Афган меллат. – 1966, 27 декабря.
44. См. об этом подробнее: Слинкин М.Ф. Афганистан: оппозиция и власть (60-70-е гг. XX в.) // Культура народов Причерноморья. № 57. – Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2005. – С. 110-111.
45. Программа Исламской партии Афганистана // Спольников В.Н. Афганистан: исламская контрреволюция. – М.: Наука, 1987. – С.195; см. тж: Слинкин М.Ф. Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки-Амина (1978-1979 гг.). – Симферополь, 1999. – С. 82-106; его же. Афганистан: оппозиция и власть. – С.114-119; Aims and Goals of Jamiat-e Islami Afghanistan. – Peshavar, September 1981. – P. 10-13.
46. Обращение к афганскому народу // Джумхурият. – 1973, 28 августа.
47. Выступление М.Дауда в марте 1975 г. перед жителями г. Кандагара // Ды Урду Маджалла. № 21. – 1975. – С. "М".
48. См. об этом: Слинкин М.Ф. Народно-демократическая партия Афганистана у власти. – С. 45-47.
49. См. об этом подробнее: Слинкин М.Ф. Афганистан. Страницы истории. – С. 68-107.
50. Record of a Conversation of M.S. Gorbachev with the General Secretary of the Central Committee of the People's Democratic Party of Afghanistan Najibullah. 3 November 1987 // Cold War International History Project Bulletin. – Issue 14/15. – Winter 2003. – Spring 2004. – P. 163.
51. Конституция Республики Афганистан. Ст. 13 // Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 1 декабря. Здесь и далее ссылки даются на этот документ.
52. См. об этом: Сикоев Р.Р. Пресса афганской эмиграции. – М.: ИВ РАН, 1999. – С.39-40.
53. Политические цели Национального исламского движения // Хашимбеков Х. Узбеки северного Афганистана. – М.: ИВ РАН, 1994. – С. 46.
54. См. об этом подробнее: Слинкин М.Ф. Афганистан. Страницы истории. – С. 181-188.

Спирин А.Н.

К ИСТОРИИ ВОЕННО-МОРСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И ТУРЦИЕЙ В ГОДЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Празднование 60-летия Победы, несомненно, является знаковым событием нынешнего года. В связи с этим юбилеем появляется много публикаций, в которых анализируются различные аспекты минувшей мировой войны, причины побед и поражений. На фоне значимости итогов Второй мировой войны, еще большую остроту приобретает анализ событий последовавшей «холодной войны». В предлагаемой статье мы рассмотрим лишь один аспект этого периода – военно-морские отношения СССР и Турцией.

Огненный вихрь 40-х гг. XX в. коснулся всех причерноморских государств. Здесь на юго-западном направлении СССР пришлось вести войну против вооруженных сил Германии, Румынии и Италии. Болгария формально не объявляла войну Советскому Союзу, но ее территория активно использовалась странами «Оси». Враждебный нейтралитет Турции заставлял СССР держать на ее границах воинские части и подразделения, столь необходимые на германском фронте.

Естественно, что окончание войны должно было вызвать геополитические изменения в регионе. Страны – победительницы, Советский Союз, США и Великобритания, приложили максимум усилий для использования в своих интересах плодов одержанной победы. Закономерным было и стремление советского руководства оградить свою страну от возможных агрессий в обозримом будущем. Отношения между Советским Союзом и Турцией во второй половине XX в. во многом определялись опытом Второй мировой войны и противоречиями, возникшими между союзниками по антигитлеровской коалиции.

Как известно, история насчитывает одиннадцать русско-турецких войн – начиная с борьбы за украинские земли в 1676 – 1681 гг. и до сражений в годы Первой мировой войны. Но история хранит совместные боевые действия русско-турецкой эскадры под командованием адмирала Ф.Ф.Ушакова против французов в Средиземном море в конце XVIII в., помощь Стамбулу русских войск и эскадры адмирала М.П.Лазарева в 1833 г. в период восстания турецкого наместника в Египте паши Мехмет-Али.

Поистине дружественные и добрососедские отношения сложились между флотами молодых респуб-